

С. С. АБУЗИНА

ПОЛУУНЦИАЛ В ИСТОРИИ ЛАТИНСКОГО ПИСЬМА И ЕГО ПАМЯТНИКИ В СОБРАНИИ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Северофранцузский монастырь Корби, значительная часть раннесредневекового книжного наследия которого хранится в Санкт-Петербурге, был одним из тех главных центров письменной культуры VIII в., где были выработаны законченные формы нового ясного и удобного письма – каролингского минускула. Основным предшественником этого письма, без сомнения, следует считать полуунциал, который представлял собой уже сложившийся тип минускульного письма, т. е. такого, где формы букв располагаются не в рамках двух линий, но в рамках четырех: выносные линии, помогающие лучшему различению букв, присутствуют у большинства согласных букв. Однако, термин «полуунциал», впервые введенный в научный оборот в трактате Тассэна и Тустэна¹, нельзя назвать удачным, хотя он и закрепился в науке в качестве условного: термин имплицитно предполагает генетическую зависимость полуунциала от унциала, что совсем не верно. К настоящему времени большинством ведущих палеографов было отмечено, что полуунциал ведет свое происхождение от нового римского курсива (III в. н.э.) и является результатом отбора форм и более тщательного их исполнения мастерами письма². Последние постарались освободить письмо от избытка характерных для курсива слитных

¹ Этой теме посвящена отдельная глава третьего тома: *Tassin R. P., Toustain Ch.-F.* Nouveau traité de diplomatique. Т. 3. Paris, 1757. P. 204–232.

² Главная работа, посвященная полуунциалу, это монография Т. Лихта: *Licht T.* Halbunziale. Schriftkultur im Zeitalter der ersten lateinischen Minuskel (III–IX. Jahrhundert) (Quellen und Untersuchungen zur lateinischen Philologie des Mittelalters 20), Stuttgart 2018 (Hiersemann). 487 S. Также важны статьи Д. Гэнца (*Ganz D.* Half-Uncial Scripts. A Way of Presenting Texts. In: *Scribes and the Presentation of Texts (from Antiquity to c. 1550): Proceedings of the 20th Colloquium of the Comité international de paléographie latine.* Turnhout, Belgium: Brepols Publishers, 2021. P. 243–250) и П. Энгельберта (*Engelbert P.* Zur Geschichte der Halbunziale: Anmerkungen zu einem neuen Buch. In: *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters* Bd. 75 (2019) S. 371–414).

начертаний соседних букв (лигатур), где формы букв оказывались сильно искаженными, что затрудняло их распознавание.

Самый ранний пример латинского полуунциала, папирусный фрагмент с текстом эпитафии Тита Ливия (London British Library Papyrus 1532 = P. Oxi. 668, CLA II 208), датируется первой половиной III в. Надо, однако, иметь в виду, что современные исследователи, как правило, разделяют полуунциал на два основных типа, к которым применяют обычно термины, предложенные выдающимся немецким палеографом Бернхардом Бишофом: «старый» или «восточный» полуунциал и «новый» полуунциал, именуемый еще и «западный» в силу его распространенности на Западе. Фрагмент эпитафии Тита Ливия относится к слабо представленному на Западе «старому» полуунциалу, причем особого «прямого» стиля. Большинство известных памятников латинского старого полуунциала так или иначе связаны с греческим Востоком, Египтом или Константинополем и содержат большей частью тексты юридического содержания, а главное, за исключением названного фрагмента и еще одного фрагмента исторического труда Тита Ливия (Oxford Bodleian Library MS. Lat. Class.f. 5 (P), CLA II 247)³ датируются не ранее V в. и не позднее VI в., так что по ним трудно даже судить о генезисе полуунциала в целом.

При изучении рукописных памятников из собрания Российской национальной библиотеки, написанных новым полуунциалом, в центре нашего внимания будут конкретные варианты нового полуунциала. От старого или «восточного» типа полуунциала его отличали прежде всего округлые формы некоторых графем и дополнительные заимствования из нового римского курсива⁴. Отметим попутно, что и в дальнейшей истории полуунциала граница между этим типом письма и беглым письмом оставалась, как отмечают исследователи, размытой⁵.

Термин «полуунциал», как уже говорилось, вызывает обманчивое впечатление зависимости рассматриваемого типа письма от унциала. Однако в одном отношении эта ассоциация оказывается в известной мере оправданной. Уже в древнейших рукописях с текстами, написанными полуунциалом, мы находим иерархию стилей, в которой этот тип письма занимает подчиненное положение по отношению к унциалу. По наблюдениям К. Хэммонд-Бэммел, начиная с VI в. текст в рукописях, написанных унциалом, сопровождается пометами, написанными полуунциалом. Однако исследовательница ограничилась лишь указанием на этот факт, и не стала развивать свое наблюдение⁶. В новейшем капитальном исследовании о полуунциале,

³ Cp.: *Licht T. Halbunziale...* S. 70–71.

⁴ *Licht T. Halbunziale...* S. 89, 91–93.

⁵ *Engelbert P. Zur Geschichte der Halbunziale...* S. 376–377.

⁶ *Hammond Bammel C. P. Products of fifth-century scriptoria preserving conventions used by Rufinus of Aquileia.* In: *The Journal of Theological Studies.* Vol. 29. Pt. 2. October 1978. P. 380.

принадлежащем Т. Лихту, систематически рассмотрены лишь примеры рукописей, где полуунциалом написан основной текст или его часть. В настоящей статье мы попытаемся хотя бы в малой мере восполнить эту лакуну на примере рукописей, хранящихся в Петербурге, а главное, укажем на более ранние, нежели учтенные К. Хэммонд-Бэммел, примеры настоящей иерархии стилей, где полуунциалу отводится вспомогательная роль.

В Российской национальной библиотеке хранится уникальный позднеантичный кодекс с сочинениями Аврелия Августина, в котором основной текст выполнен унциалом: Lat.Q.v.I.3 (CLA XI 1613). Рукопись была создана в начале V в. в Северной Африке⁷. Кодекс содержит правку, возможно, рукой корректора, выполненную полуунциалом немногим позднее создания кодекса⁸. Это вполне мог быть первый список с оригинала, написанного в Северной Африке непосредственно под руководством Августина⁹.

Помимо этой рукописи, из Российской национальной библиотеки сохранилась еще одна прижизненная рукопись бл. Августина, созданная примерно в то же время и в том же месте – это кодекс Verona Biblioteca Capitolare XXVIII (26) (CLA IV 491). Насколько мы можем судить по доступным нам репродукциям¹⁰, в нем тоже содержатся маргиналии, выполненные полуунциалом. Позднее оба кодекса оказались в Северной Италии, и, вероятно, в VII – начале VIII в., на листах этих двух кодексов были оставлены курсивные читательские пометы¹¹. Можно предполо-

⁷ Согласно гипотезе У.М. Грина, рукопись была создана еще при жизни Августина, примерно между 396–426 гг. и представляет собой самую раннюю редакцию текста двух первых книг *De Doctrina christiana*. См.: Green W.M. A Fourth Century Manuscript of Saint Augustine? In: *Revue Bénédictine*, 69 (1959). P. 191–197. А. Мутценбехер дает подробное описание рукописи, но ничего не говорит о корректуре полуунциалом: *Mutzenbecher A. Codex Leningrad Q.v.I.3 (Corbie). Ein Beitrag zu seiner Beschreibung*. In: *Sacris erudiri*, 18 (1967). S. 406–450. Библиография: *Die handschriftliche Überlieferung der Werke des Heiligen Augustinus*, Band XI: *Russland, Slowenien und Ungarn* – hrsg. I. Galynina, F. Lackner, A. Orosz und D. Weltin (unter Mitarbeit von E. Madas und D. Weber, hrsg. von C. Weidmann). Wien, 2010. S. 205–206. См. также: *Tornau C. Text, Medium und publizistische Begleitung: Buchproduktion und Buchkomposition bei Augustinus*. In: *Quaestio*, 11 (2012). S. 141–168.

⁸ Л. 87, 95, 95 об., 98 об., 99 об., 101, 104, 109 об., 111, 119 об., 121 об., 124 об.

⁹ Мы основываемся на системе рукописей, предложенной Й. Мартином: *Aurelii Augustini Opera. Pars IV, I. De Doctrina christiana; De Vera religione* [cura et studio Josephi Martin] (*Corpus Christianorum. Series Latina*; 32). Turnhout: Brepols, 1962 P. XXVII.

¹⁰ *Bersch W. Griechisches in der Domschule von Verona*. In: *Bersch, Mittellateinische Studien* (2005), S. 23. Abb. 4; *Tronca D. Una pietra di fondazione per la gloriosissima civitas Dei* [Ver. XXVIII (26)]. In: *Nell'anno del Signore 517. Verona al tempo di Ursicino: crocevia di uomini culture scritture*, a cura di M. Bassetti. P. 105. Fig. 3. CLA (т. IV) утверждают, что на л. 31 об. присутствуют маргиналии полуунциалом того же времени, но в воспроизведенном там же фрагменте л. 31 об. их нет.

¹¹ *Dobias-Rozdestvenskaja O. Histoire de l'atelier graphique de Corbie de 651 a 830 reflétée dans les Corbeïenses Leninopolitani*. Leningrad, 1934. P. 111. Мутценбехер в своем описании отмечает сходство этих маргиналий с письмом рукописи Milan Biblioteca Ambrosiana C. 98 inf. (CLA III 322, нач. VIII в.), созданной, вероятно, в Верчелли: *Mutzenbecher A. Codex Leningrad Q.v.I.3 (Corbie)*... S. 430. Ср. также: *Vercelli Biblioteca Capitolare 183* (CLA IV 469, VIII в.) и *Wolfenbüttel Herzog August Bibliothek Weissenb. 64* (CLA IX 1386, VIII в.).

жить, что оба кодекса находились в то время в Вероне. В дальнейшем Петербургский кодекс оказался на севере Франции, а второй кодекс остался в библиотеке соборного капитула Вероны, где примерно в середине IX в. в него (как и во многие другие рукописи библиотеки) внес свои маргиналии веронский монах, Пацифик (*Pacificus*)¹².

Принимая общее положение о происхождении полуунциала из нового римского курсива, мы тем не менее не можем полностью исключить влияние унциала на этот тип письма. На раннем этапе новый латинский полуунциал мог испытывать на себе влияние уже имевшихся тогда образцов унциала. Однако отсутствие более ранних примеров и общая скудность необходимых примеров делают невозможными какие-либо определенные утверждения в этом отношении. Стиль нового полуунциала, характеризовавшийся скруглением отдельных элементов букв, скорее всего, мог быть продиктован общими изменениями в приемах письма. Отметим тем не менее, что в немецких работах, посвященных полуунциалу времени его широкого применения, используется термин *Unzialisierung* для обозначения исключительно выразительных случаев использования в полуунциале форм, особенно характерных для унциала¹³. П. Энгельберт, кроме того, полагает, что об этом явлении можно говорить уже применительно к самым ранним примерам полуунциала¹⁴.

Английский палеограф Дэвид Гэнц в краткой, но содержательно очень насыщенной специальной работе предложил убедительную гипотезу о функции полуунциала по отношению к унциалу в письменных памятниках конца Античности и раннего Средневековья¹⁵. Перечислим здесь его основные наблюдения. Исследователь приводит примеры использования обоих типов письма в одних и тех же книгописных центрах и примеры владения ими одними и теми же писцами. Особое внимание он уделяет унциальным рукописям, где полуунциал применяется спорадически как письмо, удобное и привычное для писца, а именно – в завершение переписываемого текста в конце главы, в конце страницы или в конце строки, либо по невнимательности при переходе на оборотную сторону листа¹⁶. Правда, он отмечает и те случаи, когда по тем или иным причинам в конце строк, написанных полуунциалом, применяются унциальные формы, но это, по его мнению, не меняет общего впечатления: для писцов, переписывавших рукописи унциалом, полуунциал был удобен и привычен.

¹² Berschin W. Griechisches in der Domschule von Verona... S. 24–25.

¹³ Cp.: Licht T. Halbunziale... S. 70, 123, 124, 153ff.

¹⁴ Engelbert P. Zur Geschichte der Halbunziale... S. 375.

¹⁵ Ganz D. Half-Uncial Scripts... Интересны также замечания относительно этого типа письма, сделанные итальянскими исследователями в попытке охарактеризовать письмо фрагмента из Болоньи: Aimi Ch., Modesti M., Zuffrano A. Il frammento bolognese del De civitate Dei di s. Agostino: un nuovo palinsesto gotico-latino. Considerazioni paleografiche e cronologiche, edizione e analisi filologica del testo. In: Scriptorium, T. 67 n°2, 2013. P. 328f.

¹⁶ Ganz D. Half-Uncial Scripts... P. 246–247.

В качестве дополнительного аргумента Д. Гэнц приводит примеры школьных упражнений в латинском письме, сохранившихся в трех памятниках. В них воспроизведены формы, характерные именно для полуунциала. Не меньшее значение имеет, с его точки зрения, и тот факт, что раннесредневековые ирландские писцы вообще не переписывали рукописи унциалом, но особым письмом, родственным полуунциалу. Столь же выразителен и пример подписей свидетелей в раннесредневековых документах, который Д. Гэнц заимствует из работы А. Петруччи¹⁷ вместе с предложенным последним определением полуунциала как основного для письменной культуры раннего Средневековья типа письма: *scriptura di base*.

Д. Гэнц показывает, что унциал предназначался для копирования наиболее важных текстов, таких как тексты Библии. Полуунциал для них применялся редко, он обычен в рукописях с сочинениями Отцов Церкви и особенно в рукописях с текстами церковного права либо с текстами из Кодекса Феодосия¹⁸. Но даже панорама, нарисованная, хотя и в небольшой, но весьма обстоятельной работе Д. Гэнца, не охватывает всех видов специального использования полуунциала в раннем Средневековье. Мы постараемся дополнить ее некоторыми наблюдениями над петербургскими рукописями.

Ценные образцы полуунциала, датируемые началом VI в., сохранились в рукописях из Веронского скриптория: в 517 году там был написан «Урсицинов кодекс» (*Codex Ursicinus*), названный так по имени создавшего его писца. Рукопись содержит запись переписчика, позволяющую совершенно точно его датировать и локализовать¹⁹. Примерно в то же время в Веронском скриптории могла быть создана вторая Петербургская рукопись бл. Августина (*De Civitate Dei, 1–10*) – Lat.Q.v.I.4 (CLA XI **635, первая часть рукописи сейчас хранится в Париже: Bibliothèque Nationale de France Lat. 12214). В пользу веронского происхождения рукописи говорит то, что полуунциал в ней сходен с письмом целой группы полуунциальных рукописей, объединенных, в свою очередь, не только общим местом создания, но и общей тематикой переписанных сочинений²⁰. Однако надо обратить внимание на два обстоятельства.

¹⁷ Petrucci A. Libro, scrittura e scuola. In: La Scuola nell'Occidente latino dell'alto medioevo (XIX Settimana di studi sull'alto medioevo. Spoleto, 1972. P. 313–37.

¹⁸ Ganz D. Half-Uncial Scripts... P. 248–249.

¹⁹ Verona Biblioteca Capitolare XXXVIII (36) (CLA IV 494). О доказательстве существования в Вероне скриптория при Теодорихе см. Engelbert, P. Zur Geschichte der Halbunziale... S. 389.

²⁰ Речь идет о рукописях так называемой группы «Трех глав», содержащих записи актов Халкидонского собора, а также работу Факунда Гермиянского в защиту писателей, осужденных на следующем, Втором Константинопольском соборе. Поскольку Верона была центром, не поддержавшим анафему, появление там рукописей подобного содержания логично. П. Энгельберт приводит полный список рукописей: Engelbert P. Zur Geschichte der Halbunziale... S. 386–387.

Во-первых, сочинения Отцов Церкви среди кодексов этой группы не встречаются. Во-вторых, иная картина вырисовывается, если сравнить письмо Петербургской рукописи с группой Равеннских рукописей VI в., три из которых тоже содержат сочинения бл. Августина – это Lyon Bibliothèque Municipale 607 (CLA VI 784)²¹, Paris Institut Catholique de Paris Ms Lat. 55 (CLA Add. I 1856)²² и Turin Biblioteca Nazionale G. V.26 (CLA IV 463). Правда, относительно последнего кодекса Т. Лихт выразил мнение, что эта рукопись была создана в Африке. К ним, вероятно, можно отнести и недавно обнаруженный и пока малоизученный Болонский фрагмент *De Civitate Dei* VI в. (L'Archivio della Fabbriceria di S. Petronio di Bologna Cart. 716/1 n. 1)²³. Общий внешний вид письма этих рукописей весьма сходен с тем, который мы находим в Петербургском кодексе. Однако больше, чем в других рукописях, сходных черт мы обнаруживаем в Лионском кодексе: более округлые формы букв, даже у вертикалей, минускульная форма буквы «d» и «g» (хотя в Лионской рукописи применяется не с таким постоянством), отсутствие лигатуры «gi». В то же время письмо Петербургского кодекса отличается некоторыми формами: прямой угол в форме буквы «f» и полное отсутствие унциальной формы «a» больше напоминают письмо Веронских рукописей. Таким образом, хотя Т. Лихт склонен полагать, что рукопись Lat.Q.v.I.4 была создана именно в Равенне²⁴, у нас есть основания сомневаться в ее равеннском происхождении.

Не позднее второй половины VIII в. обе рассмотренные выше Петербургские рукописи (Lat.Q.v.I.3 и Lat.Q.v.I.4) попали в библиотеку аббатства Корби, вероятно, при аббатах Гримоне или Адаларде. В этом аббатстве, в свою очередь, полуунциал применялся при создании новых рукописей. Полуунциал собственно корбийских рукописей предстает в виде полностью устоявшегося стиля книжного письма. Характерный для них стиль полуунциала принято относить к «северо-восточному типу»²⁵. Попробуем охарактеризовать подробнее полуунциал тех созданных в Корби рукописей, которые хранятся в Российской национальной библиотеке.

²¹ Ronzani R. Nota Sul piu antico codice del “De civitate dei” (Verona, 26). In: *Litterae Caelestes* N. S. X (2019). P. 17. Автор не учитывает другие сохранившиеся рукописи VI в.

²² Rochais H. Fragments du De Ciuitate Dei. Bibliothèque de l'Institut Catholique de Paris (ms. latin 55, VIe s.). In: *Revue d'Etudes Augustiniennes et Patristiques*, 17(3–4), 293–298. Опубликован лишь л. 2 в черно-белом воспроизведении.

²³ Aimi Ch., Modesti M., Zuffrano A. Il frammento bolognese del De civitate Dei di s. Agostino... P. 319–359; pl. 44–46. Авторы статьи указывают на сходство письма с письмом Равеннских рукописей, но не делают окончательных выводов по локализации фрагмента.

²⁴ Licht T. Halbunziale... S. 202f., 432.

²⁵ Т. Лихт называет этот тип GTX-типом (по трем характерным буквам). Термин этот едва ли можно назвать удачным, поскольку эти же характерные формы букв можно увидеть в рукописях, созданных в других частях Франции.

Связи между школами письма в Италии и на севере Франции еще недостаточно изучены²⁶. Среди самых ранних рукописей, которые могли быть созданы в Корби, следует назвать кодексы Lat.F.v.I.2 (Basiliius Caesariensis, Regula. CLA XI 1598) и Lat.Q.v.I.14 (Gregorius Magnus, Homiliae in Ezechielem. CLA XI 1617). В отношении обеих рукописей, однако, есть сомнения, были ли они действительно переписаны в Корби. Аббатство было основано во второй половине VII в., и неизвестно, как скоро в нем появился скрипторий, в котором могли быть созданы рукописи подобного качества²⁷. Как бы то ни было, эти рукописи представляют показательные примеры совместного сосуществования унциала и полуунциала и их применения.

Большая часть текста первой из них, содержащей монашеские правила Василия Великого, написана унциальным письмом и лишь некоторые части выполнены полуунциалом. Так, изложение правил строится в форме вопросов, и для их лучшего зрительного разделения, писец переписал вопросы унциалом, а большинство ответов – полуунциалом. Возможно, переписчик – или один из его предшественников – воспринимал вопросы как нечто, имеющее более общее значение, тогда как в отношении ответов он считал допустимой некоторую вариативность. Тем не менее, как и было сказано, эта закономерность не выдерживается во всей рукописи, представляющей собой наглядный пример «пограничного» типа: писец, по-видимому, стремится использовать унциальные формы, но из-за усталости и потери концентрации переходит на более привычное ему письмо. Как бы то ни было, можно утверждать, что в этой рукописи полуунциал занимал подчиненное положение по отношению к унциалу.

В кодексе Lat.Q.v.I.14, напротив, полуунциалу придано более высокое положение, нежели стилю письма, которым написан основной текст Бесед Григория Великого на книгу пророка Иезекииля. Здесь основной текст переписан угловатым минускулом, тяготеющим к курсиву и имеющим все черты Люксёйского минускула (*scriptura Luxoviensis*). Еще Л. Траубе (1861–1907) охарактеризовал этот вид минускульного письма как «регуляризованный курсив»²⁸. Это письмо нельзя назвать разборчивым: в нем наличествуют все признаки близкого родства с письмом меровингских грамот, хотя и приспособленного к книжному стилю. Несколько

²⁶ Engelbert P. Forschungen zur lateinischen Paläographie. Randglossen zu einem neuen Handbuch. In: Revue benedictine vol. 122 (2012). S. 34.

²⁷ Так, Б. Тевес придерживается мнения, что кодекс гомилий Григория Великого происходит из Люксёя, хотя он и довольно рано попал в Корби: Tewes B. Die Handschriften der Schule von Luxeuil: Kunst und Ikonographie eines frühmittelalterlichen Skriptoriums (Wolfenbütteler Mittelalter-Studien 22). Wiesbaden: Harrassowitz. 2011. S. 171. Поскольку Корби была дочерней обителью Люксёя, не удивительно, что в письме и оформлении рукописей этих двух скрипториев есть общие черты.

²⁸ Traube L. Vorlesungen und Abhandlungen: II. Einleitung in die lateinische Philologie des Mittelalters, hrsg. von Franz Boll, and Paul Lehmann. München, 1911. S. 24.

рукописей этого письма вполне могли быть созданы в Корби на раннем этапе существования скриптория, при помощи и влиянии Люксёйской братии²⁹. Само это письмо все же не имело в Корби долгой истории, однако, использование полуунциала для выделения значимых частей текста (*Auszeichnungsschrift*) прочно вошел в употребление у корбийских писцов. Рукопись Lat.Q.v.I.14 дает первый и яркий пример этой практики – все подзаголовки в тексте написаны каллиграфичным полуунциалом северо-восточного типа. В дальнейшем письмо луксёйского типа и родственные ему стили письма уступили свое место каролингскому минускулу, в то время как за полуунциалом закрепился статус «парадного» письма, служащего исключительно для выделения тех или иных значимых частей текста.

Собственные ранние опыты корбийских писцов по выработке удобных в исполнении видов письма мы находим в рукописях, созданных в Корби примерно в середине VIII в. Полуунциал составил важную основу этих опытов. В отличие от унциала, он не воспринимался как строгий стиль с ограниченным набором форм букв, наоборот, он давал большую свободу выбора между маюскульными и минускульными формами. Результатом опытов корбийских писцов на этом пути стали рукописи, написанные письмом eN-типа и так называемым Леутхариевым письмом (по имени аббата Корби Леутхария, 751–765).

В Российской национальной библиотеке хранится только одна рукопись, полностью написанная eN-письмом – это кодекс Lat.O.v.I.4 (*Cassianus, Collationes*. CLA XI 1625, первая пол. VIII в.). Этот вид письма использовался исключительно писцами Корби в VIII в., а название свое получил от двух самых характерных форм букв. Буква «N» в этом письме всегда имеет унциальную форму, в то время как какой-либо закономерности в выборе унциальной или минускульной формы для других букв не наблюдается. Это производит впечатление «неровности» письма. В его облике четко прослеживается островное влияние. Ирландцы, по-видимому, были более привычны к курсивному письму и, возможно, потому более свободны в выборе именно минускульных форм букв даже для парадных рукописей³⁰. Характерная для островного курсива легкость форм отличает и письмо петербургского кодекса. Напрашивается мысль, что писец мог получить выучку на островах, но находясь на континенте, старался приспособить свое письмо к существующим стандартам Корбийского скриптория. Кроме того, впечатление неровности письма усиливается вследствие несоразмерности некоторых строк: в некоторых частях

²⁹ Например, рукопись «Истории франков» Григория Турского (Paris Bibliothèque Nationale de France Lat. 17655. CLA V 671, конец VII в.).

³⁰ Сами ирландцы называли свое полуунциальное письмо “*litterae tunsae*”, но отмечали его генетическую связь с «африканским» полуунциалом. См.: *Bischoff B. Die alten Namen der lateinischen Schriftarten* (Mittelalterliche Studien Tl. 1). 1966. S. 1–5.

рукописи текст становится очень мелким и убогим. Все это заставляет думать, что данный список переписывался не с самого удобочитаемого образца, и что последний, возможно, был написан письмом, родственным курсиву, причем с лигатурами³¹. Этим можно объяснить и пропуск некоторых частей текста, включение помет из антиграфа в основной текст. а также некорректное написание греческих слов³².

К тому же времени относят рукопись Lat.O.v.I.3 (*Testamentum Novum, Evangelia (Vetus Latina, Mt 1.1–5.2)* CLA XI 1624, первая пол. VIII в.). письмо которой представляет собой более выдержанный полуунциал северо-восточного типа, где временами, однако, писец переходит на eN-тип. Несколько строк этого письма мы находим в рукописи Lat.Q.v.I. 15 (*Isidorus, Differentiae*. CLA XI 1618, вторая пол. VIII в.)³³.

Рукописи Леутхариевого письма надежнее всего датированы и совершенно точно атрибутированы Корби – благодаря рукописи Lat.F.v.I.6 (*Ambrosius, In Lucam*. CLA XI 1602, сер. VIII в.), где содержится запись о заказе книги Леутхарием («Leutcharius Abba fieri iussit») и к тому же подписи переписчика («Ingreus») и, вероятно, корректора³⁴. Писец Ингреус был одним из переписчиков родственной рукописи Lat.F.v.I.5 (*Psalterium Corbeense triplex*. CLA XI 1601, сер. VIII в.)³⁵. Рукопись Lat.O.v.I.2 (*Testamentum Novum, Evangelia (Vulgata, Mc 1.1–5.2)*. CLA XI 1623. сер. VIII в.) довольно рано была объединена с рукописью Lat.O.v.I.3 в один кодекс, однако, очевидно, что создана она была позднее, и письмо этой рукописи представляет собой более строгий и выдержанный полуунциал, близкий к письму Леутхария.

Письмо это хорошо различимо и удобочитаемо; некоторые формы букв (напр., форма буквы «G» с удлиняющимся хвостом, сильно отклоняющимся влево) присутствовали уже в рубриках более ранних рукописей, написанных Люксёйским минускулом. Форма буквы «N», всегда унциальная, наблюдалась уже в рукописях eN-письма. Вместе с тем присутствуют и новые черты: например, типичный знак сокращения в форме

³¹ М. Петшениг о Петербургской рукописи: “apographon est codicis antiquissimi”. – Cassianus, De institutis coenobiorum, De incarnatione domini contra Nestorium; ed. M. Petschenig (CSEL 17). 1888. P. xlvii.

³² Напр., л. 36 и 36 об. О. А. Добиаш-Рождественская сделала предположение, что писец не знал греческого языка. См.: *Добиаш-Рождественская О. А. Греческие буквы в латинских рукописях* / Сб. ст. в честь С. А. Жебелёва (Машинописная копия СПБНИИ РАН) Л., 1926. С. 437–442; Черновые автографы статьи и сопутствующие материалы: ОР РНБ. Ф. 254. № 107. Л. 1–44.

³³ Л. 71. Кол. 1. Строка 26 – л. 71 об. Кол. 1. Строка 13. Так как основная часть рукописи связана со св. Бонифацием и могла быть переписана на островах, это еще одно подтверждение тесной связи eN-письма и островного минускула.

³⁴ Поскольку на л. 211 стоит подпись “Ratbertus”, выполненная той же рукой, можно подозревать, что кодекс корректировал сам Пасхазий Радберт (аббат Корби в 844–851 гг.).

³⁵ См.: *Ganz D. Corbie in the Carolingian Renaissance* (Beihefte der Francia, 20). Sigmaringen (Thorbecke), 1990. P. 131.

тильды, повернутой на 45° (позднее станет отличительной чертой Корбийской мастерской письма).

Несмотря на то что эти три кодекса относятся к середине VIII в., в них довольно много от полуунциала более раннего периода: это скорее каллиграфический вариант старого письма, но явно подражательный, более «накрахмаленный». Бишоф назвал его «вырожденным», подразумевая под этим, очевидно, не каллиграфические навыки писцов, а архаичность подобного типа письма. Здесь уместно снова задаться вопросом о зависимости статуса переписываемого текста от того типа письма, которым его переписывали. В первом случае – это сочинение одного из главных церковных писателей Средневековья и одного из четырех главных Учителей Церкви – Амвросия Медиоланского, во втором и третьем случаях – Псалтирь и Евангелие, самые читаемые книги в Средние века. Как было указано выше, но в связи с рукописями более раннего периода, тексты Библии вообще чрезвычайно редко переписывались в полуунциале: здесь, как и в греческом письме того же времени, прослеживалась строгая традиция использования маюскула для подобных рукописей³⁶. Находясь в условиях существования множества модификаций минускульного письма, являющихся предшественницами каролингского минускула, писцы VIII в. воспринимали полуунциал старого образца как что-то более монументальное и, следовательно, вполне подходящее для рукописей высокого статуса.

Примерно к этому же времени (середина – вторая половина VIII в.) относится фрагмент с началом жития св. Лупа Труаского (CLA XI 1607. VIII в.). Он имеет все черты полуунциального письма северо-западного типа, а именно корбийского полуунциала. Сходство прослеживается и в оформлении инициала (растительно-животный мотив, типичные цвета: желтый, зеленый, лиловый)³⁷. Сам фрагмент представляет собой защитный лист другого кодекса из Корби, Lat.F.v.I.11 (*Cassiodorus, Historia Tripartita*. CLA XI 1606, кон. VIII в.), написанного аб-минускулом. Поскольку в письме фрагмента есть множество сходных черт с аб-письмом (в частности, характерная форма буквы «а»), можно предположить принадлежность фрагмента если не Корби, то одному из близлежащих центров³⁸.

На исходе VIII в. в Корби, по всей видимости, перестали использовать полуунциал в качестве основного письма книг – теперь для этой

³⁶ С этим во многом связана проблема датировки унциальных рукописей, и особенно библейского маюскула. См.: *Фонкич Б.Л.* Византийский маюскул VIII–IX вв. К вопросу о датировке рукописей. М., 2020. (Монфокоп. Вып. 5). 232 с. Особенно с. 17–23.

³⁷ Д. Гэнц отмечает сходство орнамента с тем, что присутствует в Корбийских унциальных рукописях Lat.F.v.I.4 и London British Library Burney 340 (CLA CLA II 182 и XI **182, VII в.) – *Ganz D.* Corbie in the Carolingian Renaissance... P. 126.

³⁸ CLA указывают на сходство с полуунциальной рукописью Орибасия BNF Nouv. Acq. Lat. 1619 (CLA V 688, VIII в.), которая также имеет черты аб-минускула и маргиналии, написанные этим же письмом, и потому также локализуется в окружении Корби.

роли служили другие виды минускула, наиболее лаконичные и единообразные в исполнении и более соответствующие новой эстетике письма. В частности, в Корби это были аб-минускул и так называемое письмо Маурдрамна – непосредственный предшественник каролингского минускула. Однако полуунциал продолжал свою жизнь в качестве письма подзаголовков, когда у переписчиков была четкая задача визуально выделить начало той или иной части, в то время как для заголовков традиционно продолжали использовать капитальное или унциальное письмо, то есть маюскул. Хорошим примером является письмо лекционария Lat.Q.v.I.16 (*Liber Comitis*. CLA XI 1619, VIII–IX в.) – здесь полуунциал находится как бы посередине в сложившейся иерархии: он открывает начало главы или чтения из Священного Писания, то есть является уже частью основного текста.

Напомним, что письмо всех полуунциальных кодексов, рассматриваемых в статье, представляет собой исключительно новый «западный» полуунциал. На примере корпуса рукописей из Корбийского скриптория можно не только изучить традицию использования этого типа письма в данном письменном центре, но и проследить путь закрепления полуунциала как определенного типа в иерархии типов книжного письма на протяжении V – конца VIII вв. Начав свое существование как письмо маргиналий и глосс в Поздней Античности, он постепенно завоевывает положение основного типа книжного письма уже к VII в.³⁹ Определив тем самым смену эпохи и стиля, он уже к концу VIII в. постепенно уступает свои позиции новому письму – каролингскому минускулу. На протяжении почти трех веков полуунциал существовал параллельно с курсивным и маюскульным письмом и, представляя собой нечто среднее между ними, давал богатую почву для экспериментов: от беглого eN-письма с элементами курсива до нарядного островного маюскула. С постепенным утверждением каролингского минускула в качестве основного письма книг канонический полуунциал все более и более воспринимается как письмо торжественное и используется лишь для того, чтобы подчеркнуть важность той или иной части текста, прежде всего, рубрик. Рукописи в развитом каролингском минускуле используют для рубрик исключительно унциальное письмо. Корбийские рукописи, связанные с именем Хадоарда (библиотекаря (?) Корби, жившего в IX в.) и прежде всего, рукописи с сочинениями римских классиков, часто обращаются к письму рустичному, которое, по-видимому, вызывало явные параллели с античным письмом. Полуунциал в это время уже полностью выходит из употребления.

³⁹ Engelbert P. Forschungen zur lateinischen Paläographie... S. 15.

РЕЗЮМЕ

Статья основывается на рассмотрении франкских раннесредневековых рукописей из собрания Российской национальной библиотеки с учетом результатов современных исследований в зарубежной литературе, с применением критического анализа и верификации этих результатов. Подчеркивается, что на примере корпуса рукописей из Корбийского скриптория можно не только изучить традицию использования этого типа письма в данном письменном центре, но и проследить путь закрепления вида средневекового письма – полуунциала – как определенного типа в иерархии типов книжного письма на протяжении V – конца VIII в.

SUMMARY

The article is based on the examination of Frankish early medieval manuscripts from the collection of the Russian National Library, taking into account the results of modern research in foreign literature, using critical analysis and verification of these results. It is emphasized that using the example of the corpus of manuscripts from the Corbian scriptorium, one can not only study the tradition of using this type of writing in this writing center, but also trace the path of consolidating the type of medieval writing – half-uncial script as a certain type in the hierarchy of types of book writing during the V – end of the VIII centuries.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Франкское королевство, рукописная книга раннего средневековья, каролингский минускул, полуунциал, монастырь Корби.

KEY WORDS

Frankish kingdom, manuscript book of the early Middle Ages, Carolingian minuscule, half-uncial script, Corby monastery.

БИБЛИОГРАФИЯ

Добиаш-Рождественская О.А. Греческие буквы в латинских рукописях / Сб. ст. в честь С.А. Жебелёва (Машинописная копия СПбИИ РАН) Л., 1926. С. 437–442.

Фонкич Б.Л. Византийский маюскул VIII–IX вв. К вопросу о датировке рукописей. М., 2020 (Монфокон. Вып. 5).

Aimi Ch., Modesti M., Zuffrano A. Il frammento bolognese del De civitate Dei di s. Agostino: un nuovo palinsesto goto-latino. Considerazioni paleografiche e cronologiche, edizione e analisi filologica del testo // *Scriptorium*. T. 67. № 2. 2013. P. 319–359.

Aurelii Augustini Opera. Pars IV, I. De Doctrina christiana; De Vera religione [cura et studio Josephi Martin] (Corpus Christianorum. Series Latina; 32). Turnhout, 1962.

Berschin W. Griechisches in der Domschule von Verona // Berschin, Mittellateinische Studien. 2005.

Bischoff B. Die alten Namen der lateinischen Schriftarten // Philologus. Vol. 89. 1–4. 1934. P. 467–471.

Cassianus. De institutis coenobiorum, De incarnatione domini contra Nestorium / ed. M. Petschenig (CSEL 17). Lipsiae, 1888.

Die handschriftliche Überlieferung der Werke des Heiligen Augustinus. Band XI: Russland, Slowenien und Ungarn / Hrsg. I. Galynina, F. Lackner. A. Orosz und D. Weltin (unter Mitarbeit von E. Madas und D. Weber, hrsg. von C. Weidmann). Wien 2010. S. 205–206.

Dobias-Rozdestvenskaja O. Histoire de l'atelier graphique de Corbie de 651 a 830 reflétée dans les Corbeiensis Leninopolitani. Leningrad, 1934.

Engelbert P. Forschungen zur lateinischen Paläographie. Randglossen zu einem neuen Handbuch // Revue bénédictine. Vol. 122. 2012. S. 5–47.

Engelbert P. Zur Geschichte der Halibunziale: Anmerkungen zu einem neuen Buch // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters Bd. 75. 2019. S. 371–414.

Ganz D. Corbie in the Carolingian Renaissance (Beihefte der Francia, 20). Sigmaringen (Thorbecke), 1990.

Ganz D. Half-Uncial Scripts. A Way of Presenting Texts // Scribes and the Presentation of Texts (from Antiquity to c. 1550): Proceedings of the 20th Colloquium of the Comité international de paléographie latine. Turnhout, 2021. P. 243–250.

Green W.M. A Fourth Century Manuscript of Saint Augustine? // Revue Bénédictine, 69 (1959). P. 191–197.

Hammond Bammel C.P. Products of fifth-century scriptoria preserving conventions used by Rufinus of Aquileia // The Journal of Theological Studies. Volume 29. Pt. 2. October 1978. P. 347–393.

Licht T. Halibunziale. Schriftkultur im Zeitalter der ersten lateinischen Minuskel (III–IX. Jahrhundert) (Quellen und Untersuchungen zur lateinischen Philologie des Mittelalters 20), Stuttgart 2018.

Mutzenbecher A. Codex Leningrad Q.v.I.3 (Corbie). Ein Beitrag zu seiner Beschreibung // Sacris erudiri. 18. 1967. S. 406–450.

Petrucci A. Libro, scrittura e scuola // La Scuola nell'Occidente latino dell'alto medioevo. XIX Settimana di studi sull'alto medioevo. Spoleto, 1972. P. 313–337.

Rochais H. Fragments du De Ciuitate Dei. Bibliothèque de l'Institut Catholique de Paris (ms. latin 55, VIe s.) // Revue d'Etudes Augustiniennes et Patristiques, 17 (3–4). P. 293–298.

Ronzani R. Nota Sul piu antico codice del “De civitate dei” (Verona, 26) // Litterae Caelestes N.S. X. 2019. P. 9–40.

Tassin R.P., Toustain Ch.-F. Nouveau traité de diplomatique. T. 3. Paris, 1757.

Tewes B. Die Handschriften der Schule von Luxeuil: Kunst und Ikonographie eines frühmittelalterlichen Skriptoriums (Wolfenbütteler Mittelalter-Studien 22). Wiesbaden, 2011.

Tornau C. Text, Medium und publizistische Begleitung: Buchproduktion und Buchkomposition bei Augustinus // *Quaestio*, 11. 2012. S. 141–168.

Traube L. Vorlesungen und Abhandlungen: II. Einleitung in die lateinische Philologie des Mittelalters, hrsg. von Franz Boll, and Paul Lehmann. München. 1911.

REFERENCES

Dobiash-Rozhdestvenskaya O.A. Grecheskie bukvy v latinskikh rukopisyah [Greek letters in Latin manuscripts] / *Sbornik statej v chest' S.A. Zhebelyova* [Collection of articles in honor of S.A. Zhebelev]. L., 1926. S. 437–442.

Fonkich B.L. Vizantijskij mayuskul VIII-IX vv. K voprosu o datirovke rukopisej [The Byzantine Mayuscul of the VIIIth–IXth centuries. About the question of the dating of manuscripts]. M., 2020. (Monfokon. Issue 5).

Aimi Ch., Modesti M., Zuffrano A. Il frammento bolognese del De civitate Dei di s. Agostino: un nuovo palinsesto goto-latino. Considerazioni paleografiche e cronologiche, edizione e analisi filologica del testo // *Scriptorium*. T. 67. № 2. 2013. P. 319–359.

Aurelii Augustini Opera. Pars IV, I. De Doctrina christiana; De Vera religione [cura et studio Josephi Martin] (Corpus Christianorum. Series Latina; 32). Turnhout, 1962.

Berschin W. Griechisches in der Domschule von Verona // *Berschin, Mitteleinische Studien*. 2005.

Bischoff B. Die alten Namen der lateinischen Schriftarten // *Philologus*. Vol. 89. 1–4. 1934. P. 467–471.

Cassianus. De institutis coenobiorum, De incarnatione domini contra Nestorium / ed. M. Petschenig (CSEL 17). Lipsiae, 1888.

Die handschriftliche Überlieferung der Werke des Heiligen Augustinus. Band XI: Russland, Slowenien und Ungarn / Hrsg. I. Galynina, F. Lackner. A. Orosz und D. Weltin (unter Mitarbeit von E. Madas und D. Weber, hrsg. von C. Weidmann). Wien 2010. S. 205–206.

Dobias-Rozdestvenskaja O. Histoire de l'atelier graphique de Corbie de 651 à 830 reflétée dans les Corbeiensis Leninopolitani. Leningrad, 1934.

Engelbert P. Forschungen zur lateinischen Paläographie. Randglossen zu einem neuen Handbuch // *Revue bénédictine*. Vol. 122. 2012. S. 5–47.

Engelbert P. Zur Geschichte der Halbunziale: Anmerkungen zu einem neuen Buch. // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters* Bd. 75. 2019. S. 371–414.

Ganz D. Corbie in the Carolingian Renaissance (Beihefte der Francia, 20). Sigmaringen (Thorbecke), 1990.

Ganz D. Half-Uncial Scripts. A Way of Presenting Texts // Scribes and the Presentation of Texts (from Antiquity to c. 1550): Proceedings of the 20th Colloquium of the Comité international de paléographie latine. Turnhout, 2021. P. 243–250.

Green W.M. A Fourth Century Manuscript of Saint Augustine? // *Revue Benedictine*, 69 (1959). P. 191–197.

Hammond Bammel C.P. Products of fifth-century scriptoria preserving conventions used by Rufinus of Aquileia // *The Journal of Theological Studies*. Volume 29. Pt. 2. October 1978. P. 347–393.

Licht T. Halbunziale. Schriftkultur im Zeitalter der ersten lateinischen Minuskel (III. – IX. Jahrhundert) (Quellen und Untersuchungen zur lateinischen Philologie des Mittelalters 20), Stuttgart 2018.

Mutzenbecher A. Codex Leningrad Q.v.I.3 (Corbie). Ein Beitrag zu seiner Beschreibung // *Sacris erudiri*. 18. 1967. S. 406–450.

Petrucci A. Libro, scrittura e scuola // *La Scuola nell'Occidente latino dell'alto medioevo*. XIX Settimana di studi sull'alto medioevo. Spoleto, 1972. P. 313–337.

Rochais H. Fragments du De Ciuitate Dei. Bibliothèque de l'Institut Catholique de Paris (ms. latin 55, VIe s.) // *Revue d'Etudes Augustiniennes et Patristiques*, 17 (3–4). P. 293–298.

Ronzani R. Nota Sul piu antico codice del “De civitate dei” (Verona, 26) // *Litterae Caelestes N.S.* X. 2019. P. 9–40.

Tassin R.P., Toustain Ch.-F. Nouveau traité de diplomatique. T. 3. Paris, 1757.

Tewes B. Die Handschriften der Schule von Luxeuil: Kunst und Ikonographie eines frühmittelalterlichen Skriptoriums (Wolfenbütteler Mittelalter-Studien 22). Wiesbaden, 2011.

Tornau C. Text, Medium und publizistische Begleitung: Buchproduktion und Buchkomposition bei Augustinus // *Quaestio*, 11. 2012. S. 141–168.

Traube L. Vorlesungen und Abhandlungen: II. Einleitung in die lateinische Philologie des Mittelalters, hrsg. von Franz Boll, and Paul Lehmann. München. 1911.